

АННА ДЖЕЙН

БЕЛЫЕ
ИСКРЫ
СНЕГА

ЧАСТЬ I

АННА ДЖЕЙН

БЕЛЫЕ ИСКРЫ СНЕГА

Часть 1

*Я найду тебя в земном мире
или подлунном*

*Все герои и события вымышлены,
совпадения случайны.*

*Как бы ты ни бегал от меня,
я все равно тебя найду.*

Твоя судьба, с любовью

ПРОЛОГ

МУЗЫКОЙ ЭТОГО ПРОСТРАНСТВА была тишина. Цветом — космический оттенок беспечного бежевого. Запахом — пролитое кем-то на снег ванильное молоко мороза. А границ... границ тут не было вовсе. Хотя, возможно, их просто не было видно. Только летала, рассекая замершее пространство, пьянящая свобода. Безграничное пространство без горизонта. Без времени. Без суеты. Тут было где расправить крылья — бесконечная сверкающая даль так и манила опробовать ее, обещая захватывающий дух полет.

Только те, у кого за спиной трепетали крылья, тут не летали. А те, кто ими не обладал, тем более не задерживались надолго. Да и что им было делать на осколках миллионов тонких зеркал, беспечно, словно облака, плывущих в разные стороны, одновременно и хаотично, и упорядоченно? Плыть вместе с ними в неизвестность? Играть с лучами потерянного слепящего солнца? Стать его бликом и затеряться среди отражений?

И все же на одном из осколков с тающими краями стояли две неясные фигуры, скрытые витающим тут же туманом, какие бывают у водопадов. Казалось, силуэты их сотканы из того же застывшего тумана — только более плотного, ослепительно-белого. Крыльев у них не было.

Они разговаривали — с затаенной болью, но с нежностью и непонятной надеждой, и неясно было, то ли только они слышат друг друга, то ли все это зеркально-свободное пространство стало свидетелем их мучительно короткой беседы.

— Я найду тебя, чего бы мне это ни стоило. — Слова вырывались легкой дымкой, оседающей на соседних зеркальных осколках.

— А что, если мы не узнаем друг друга?

— Не беспокойся. Я узнаю тебя.

— Мне страшно.

— Просто поверь. Ты ведь веришь мне?

— Верю! И обязательно узнаю — там, внизу.

— Мы оба узнаем. Ну же, улыбнись. Я хочу запомнить твою улыбку.

Их пальцы соприкоснулись, и легкий болезненный ток пробежал по телам.

— Мне не хочется отпускать тебя. — Каждое слово им обоим давалось с трудом.

— Придется. Ты же знаешь...

Бескрылые приблизились друг к другу, словно готовы были обняться, но не осмелились сделать этого. Где-то раздался молот грома приближающейся грозы, и они оба вздрогнули.

— Мне пора, я пойду чуть раньше.

— А я — за тобой.

— Приходи быстрее, хорошо?

— Хорошо... Ты только дождись меня, слышишь? И мы все сделаем по-другому!

— Знаю. Я люблю тебя. Очень.

Сомкнутые ресницы, затаившиеся в уголках глаз едва сдерживаемые слезы отчаяния, шаг вперед, в пустоту, и сверкнувшая искра — капля жидкого огня,

устремившаяся вниз. Никто не издал ни звука, но, казалось, зябкую тишину разорвал крик отчаяния. На осколке зеркала теперь была лишь одна бескрылая фигура, обхватившая себя руками. Гроза миновала — осталась лишь гулкая тишина, переполненная пьянящим спокойствием. Лишь слышно было, как мягкие перья снега касаются вершин сияющих далеко внизу гор.

— Холодно без тебя. — Прерывистый шепот заставил зеркало покрыться инеем. — Пусть хотя бы тебе будет тепло, ладно?

Оставшийся среди зеркально-облачного безмолвия обнял себя за плечи.

— Я тоже очень тебя люблю. Раз, два, — вдруг начал медленно считать он, — три...

На счет «три» вниз устремилась еще одна искра — яркая, быстрая, похожая на вспышку северного сияния.

«Я найду тебя».

«Я верю тебе».

Движением этого странного места была сломанная стрела времени. Символом — круг с пустотой в середине. Тайной — сама жизнь.

«Чего бы мне это ни стоило... не хочется отпустить... все сделаем по-другому...» — выводилось невидимым пальцем на запотевших зеркальных осколках, которых коснулся дым слов.

Не знаю, почему это случилось с нами, — наверное, так было кем-то задумано свыше. И этот «кто-то» явно большой хохмач. Безумный экспериментатор с извращенным чувством юмора. Гений, который вкусил сразу два запретных плода — злодейства и глумления. До сих пор не верится, что это произошло.

Как, как подобное могло случиться с нами, детьми эпохи гаджетов и всемогущего интернета? Может быть, я сошла с ума и выдумала все это? Может быть, меня посещают причудливые галлюцинации? Может быть, я попала в мир своих иллюзий? Хотя, кажется, нет — тихое глубокое дыхание крепко спящего на кровати рядом со мной человека, эгоистично завернувшегося в одеяло, говорит о том, что происходящее — реальность. Наша общая с ним реальность.

Я бездумно смотрела на огни ночного города, сидя на широком подоконнике и кусая губы. Пока никто не видит, можно позволить себе быть слабой. Подтянув к себе чуть заостренные колени длинных ног, я бессильно уронила на них бледные руки с выступающими венами. Осенью, весной, а зимой особенно кожа на этих руках была благородного фарфорового оттенка, словно у аристократов прошлых веков, а серебристый свет луны делал ее почти бескровной, как у мистического создания. Я несколько раз осторожно провела кончиками пальцев по бледной руке, от широкого запястья до локтя и обратно, касаясь чуть выпирающих вен — их замысловатый естественный рисунок хорошо был виден под бледной кожей.

Это *моя* рука. На лице появилась вымученная улыбка, думаю, больше похожая на гримасу отчаяния. И я с тоской устала в окно. Какая-то звезда подмигнула мне с неба.

Интересно, надолго ли это? Или — тут у меня замерло сердце — навсегда? Нет, этого не может быть. Навсегда — это не вариант. Навсегда — это как приговор, и я не согласна с ним! Я найду способ вернуть все на свои места. Верну, и точка.

Я нервно тряхнула головой, почувствовав вдруг непреодолимое желание закурить. Вот дурак, это из-за него так хочется попортить легкие табаком! А ведь раньше меня тошнило от сигарет. Я посмотрела на человека, лежащего на кровати, — в это время он перевернулся с бока на спину, еще плотнее закутавшись в одеяло. Мое сердце наполнилось тоскливой нежностью, такой, что я даже на время забыла о том, что хочу курить. Правда, вместе с нежностью пришли злость, обида и раздражение. Как в такой ситуации он умудряется спать, когда я мучаюсь от бессонницы?

Я сердито глянула на длинные золотисто-русые прямые волосы, разметавшиеся по подушке, — лицо наполовину было скрыто одеялом. Он снова перевернулся — на другой бок — и совсем запутался в одеяле, как бабочка в паутине. При этом оно умудрилось сползти с его ног, сбившись в районе груди, и я точно отчего-то знала, что в ту же секунду на икрах появились мурашки.

А так ли он хорошо спит? Почему все время ворочается? Я слезла с облюбованного мною подоконника, неслышно подошла к кровати, замерла и стала слушать дыхание. Вроде бы спокойное, мерное. Значит, не снятся очередные кошмары. И слава богу.

Я поправила одеяло, осторожно прикрыла обнаженные изящные ноги и устроилась рядом, на краешке кровати, глядя на того, с кем так крепко была повязана, — куда там узам брака или даже родственным связям! Можно смело сказать, что мы были одним целым. Я и Ярослав Зарецкий. Он что-то пробормотал во сне, дернулся, и я взяла его руку в свою, чтобы успокоить. Все будет хорошо, Яр. Мы справимся.

Мы родились с ним в один день — пятого декабря. Только я — на три года раньше. Узнав об этом, я безумно удивилась: почему-то считала, что люди, рожденные в один день, должны быть хотя бы немного похожи. Но мы оказались диаметрально противоположными личностями с совершенно разными системами ценностей. Как свет и тьма. Я, конечно же, в роли света, а он — в роли тьмы.

Разумеется, я не могу назвать себя воплощением вселенской добродетели, но по сравнению с ним, мистером Я-само-совершенство-преклоните-предо-мной-свои-никчемные-колени, я просто ангел. Может быть, поэтому мы так крепко невзлюбили друг друга при первой встрече?

Ярослав действительно скверный парень. Есть в нем что-то темное, колдовское. А его обаяние больше похоже не на приятное очарование, когда тихо и незаметно влюбляешься, ощущая тепло в душе, а на хлесткий удар плетью прямо по сердцу, когда тебя заставляют чувствовать симпатию против своей воли. Он отлично умеет манипулировать людьми, но даже, кажется, не осознает этого.

Почему он такой? Не знаю. То ли год, в котором Ярослав имел честь появиться на свет, был плохим, то ли переданные от родителей гены подкачали, то ли акушеры умудрились повредить ему и без того стукнутую головушку, то ли это было связано с какими-то другими факторами, но характером этот человек не вышел совершенно. Самоуверенность, надменность, коварство, стремление быть самым главным, лучшим и всех нагибать причудливо сочетались с... Думаете, я перечислю какие-то хорошие качества вроде смело-

сти, дерзости, остроты ума и всего остального, что часто имеет место в людях с лидерскими наклонностями? Увы, этот парень не обладал ничем из вышеперечисленного. Он всегда только притворялся хорошим, и люди ему верили. Все считали его ангелом, а он делал все возможное, чтобы поддержать свой ангельский имидж.

С твердостью могу сказать, что Ярослав не дружит с головой, а голова, будучи такой же мстительной, как и он сам, отвечает ему тем же — с гордостью отказывается работать и устраивает многодневные забастовки, перекладывая всю ответственность за мыслительную деятельность на спинной мозг. Тот, не слишком работоспособный, простоватый, но расчетливый и хитрющий, как последняя лиса, отдает бразды правления этой, безусловно, важной частью жизнедеятельности мозгу костному, настолько аморфному и ко всему безразличному, что вы сами понимаете, насколько в конечном счете умен этот несчастный человек. Хотя почему же несчастный? Таковым Ярослав Зарецкий никогда не был, и никто бы не возжелал назвать его несчастным — если только за глаза, шепотом и в полутьме, ибо говорить подобное — грех.

Жизнь дала ему все. Крепкое здоровье и эффектную внешность, любящих родных и верных друзей, достаточно высокий интеллект (не путайте его умственные способности с дурью, засевшей в голове) и творческие успехи, хорошее материальное положение и возможность без особых хлопот получать желаемое. Добавьте сюда интерес со стороны противоположного пола и уважение окружающих, принимающих Ярослава за ангела.

А ведь даже внешне он чем-то похож на ангела. Симпатичное лицо — правильное, чуть продолговатое и несколько сужающееся книзу, с едва заметной ямочкой на подбородке, яркими губами — нижняя полнее верхней, благородными ровными скулами, высоким чистым лбом. Кадык чуть выпирает. Из отличительных знаков — тонкий в несколько сантиметров длиной шрам на вершине правой скулы. Шрам небольшой, но заметный, однако не портящий внешность, а, напротив, придающий ей некий мужественный шарм.

Волосы — любая девочка позавидует! Здоровые, блестящие и тронутые слабой волной. Поэтому и прическа удлиненная — выполнена слоями. Верхние пряди заканчиваются на уровне ушей, нижние почти касаются плеч.

Говорят, глаза — зеркало души, и поэтому пару слов нужно сказать о них. Они у него воистину ведьмовские — зеленые. Не то чтобы особенно яркие, но выделяющиеся на лице. Скорее светлые, чем темные, с каким-то мятным оттенком, слегка смешанные с серебром у зрачка и с тонкой ореховой каемкой вокруг радужек. Взгляд Ярослава может показаться воздушным и нежным, с едва заметной грустинкой, но этим глазам не стоит верить. Они всего лишь инструмент его манипуляций над окружающими — то добрые, то хитрые, то печальные, то смеющиеся. Выражают полный спектр эмоций.

Он достаточно высок и пропорционален — разве только ноги несколько длиннее, чем нужно, от чего его внешность только выигрывает. Довольно гибок, строен, но не кажется худым, — спорт наш мальчик не любит, хотя заставляет себя им заниматься. Подтянут и крепок

в плечах, имеет вполне себе развитую мускулатуру, хотя иногда кажется неприлично хрупким — когда пожелает, естественно. Этот парень вообще хороший актер, и каждый видит его совершенно по-разному, как захочется ему самому. Я бы обязательно купилась на его актерскую игру в ангела с одуванчиком в волосах, если бы волею случая не поняла, какой он на самом деле монстр. Может быть, поэтому он меня и невзлюбил? Играть передо мной не было смысла, я видела его с самой плохой стороны, которую он так отчаянно, почти героически, но, надо признать, удачно скрывал. Я знала то, что было известно о нем его самому ближайшему окружению. Видела насквозь с первого взгляда.

Этот парень несносен: он капризный, очень нервный, хитрый, наглый, самоуверенный, гордый дурак, который всегда хочет быть во всем первым. Однако он почти всегда притворяется — и вполне успешно! — милым, самоотверженным человеком с золотым, невероятно большим сердцем, которое того и гляди сейчас начнет выпирать из груди. Его считают творческой личностью, хорошо разбирающимся в искусстве (ведь он еще и художник!) и неформальным лидером, который может вести к победе. И за ним идут, да. На него надеются и доверяют. Считают, что он умен и интересен.

Что же касается семьи, и здесь жизнь его не обделила. Довольно успешные родители, два старших брата, друзья, прекрасный дом, материальные блага, стильная одежда, возможность путешествовать и покупать почти все, что захочет юноша в его возрасте, — все это тоже у него было.

Ну как, можно ли назвать этого человека несчастным? Конечно же, нет. Возможно, вы даже позавиду-

ете ему и захотите жить его же собственной жизнью. И будьте уверены: если вы скажете нашему мальчику, что он несчастен, он рассмеется вам прямо в лицо. Негромко рассмеется, даже мягко, но со вкусом, как смеются над плохой шуткой те, кто знает толк в юморе, не желая обидеть весельчака дурака, или же одними уголками тонких губ улыбнется — мягко, успокаивающе, как сумасшедшему, а в душе обзовет парой-тройкой непристойных слов и пошлет по ма-тушке в самые глухие дали планеты.

Наверное, у вас возникает вполне логичный вопрос: зачем же я столько говорю о таком плохом и во многих смыслах недостойном человеке? Ведь если он мне так сильно не нравится, не нужно обращать на него столько внимания, верно? Да, вы будете правы, но есть кое-что, что заставляет меня постоянно думать и говорить о человеке по имени Ярослав Зарецкий. Хотите знать, что это? Даже если не хотите, я все равно вам об этом скажу. Он заставил меня кое-что сделать. Кое-что, о чем я жалею. Он заставил меня влюбиться. Влюбиться в того, кого я ненавидела всею душой. Только подумайте — влю-бить-ся! Даже звучит отвратительно. Он заставил меня влюбиться *в него*. Я люблю и ненавижу его одновременно. И эти противоречивые чувства так сильны, что порой кажется: меня разрывает на части.

Знаете, как это тяжело? Нет, вы даже не догадываетесь. Ведь перед тем, как прийти к такому ошеломительному выводу, моя душа и тело пострадали от него очень сильно. Да-да, вы не ослышались: тело тоже пострадало. Нет, он не бил меня, даже пальцем не прикоснулся — девушек он не трогает, играет в благородство. И не приставал — в этом плане он тоже

весьма щепетилен. Этот лжеангел сделал кое-что другое.

Стоило мне об этом вспомнить, как курить резко захотелось еще сильнее — даже легкие болезненно сжались. Я все так же неслышно встала с кровати и направилась в кухню. Но не затем, чтобы найти сигареты (их я благополучно выбросила от греха подальше), а чтобы выпить холодной воды и немного успокоиться. Не дойдя до двери, я вдруг, сама не зная почему, остановилась напротив большого, во весь рост зеркала. Лунного света, проникающего сквозь окно, и ночного сияния спящего города хватило для того, чтобы разглядеть свое отражение.

Холодная внешность, высокий рост, длинные ноги, стройная фигура с подтянутым животом и уверенным разворотом плеч, всегда привыкших быть гордыми, пепельно-русые волосы — удлиненные и растрепанные, светло-зеленые глаза с темной каемочкой по краю радужек, правильное лицо почти без изъянов — красивое и аккуратное, шрам на скуле, который никогда и никем не считался недостатком... Из зеркала на меня смотрел тот самый человек, которого я только что так ругала, которого любила и одновременно терпеть не могла.

Я вымученно улыбнулась сухими губами — улыбка вышла какой-то изломанной, ненастоящей — и коснулась указательным пальцем ямочки на подбородке — черт возьми, все-таки это лицо очень красиво. И даже начавшая пробиваться щетина не портит его. Его... не мое лицо.

Не выдержав, я закрыла лицо ладонями — широкими, с выпирающими костяшками и длинными пальцами, которыми можно было охватить куда

больше клавиш на фортепьяно, чем это удавалось мне раньше. Но почти тут же отняла руки от лица — в тот миг мне показалось, что я прикоснулась к *его* лицу *своими* ладонями. Я тяжело вздохнула. Да, этот парень сделал кое-что другое. То, что мы оба храним в тайне, иначе нам обоим не поздоровится. Он просто случайно оказался в моем теле. А я — в его. Наверное, не зря мы родились в один и тот же день — только с разницей в три года. И не случайно встретились вновь. Ведь случайностей не бывает, верно?

Я еще раз глянула на него — или на себя? — в зеркало и ушла на кухню. А там, устроившись за столом с кружкой холодной воды, незаметно уснула. Ночью мне снилось, что я курю, облачившись в свое любимое платье. Я так крепко спала, что даже не заметила, как меня укрыли пледом, чтобы я не мерзла.

ГЛАВА 1

Полтора года назад

ЭТО БЫЛ УЖАСНЫЙ день рождения. С самого начала все шло не так. А потом я встретила его, и моя жизнь стала другой.

Сколько себя помню — а помню я себя лет с трех или четырех, — я очень любила свой день рождения и ждала пятое декабря, на которое он пришелся, с нетерпением и замиранием сердца. В детстве мне казалось, что этот праздник не просто привнесет в мою унылую жизнь нотку радости и тепло, но и подарит чудо — как в добром фильме про современную Золушку. И тогда все изменится. Рядом со мной появятся любящие меня люди, и я буду счастлива.

После тринадцатого дня рождения мои взгляды на мир поменялись. Я стала взрослее и уже больше не мечтала о чудесах. Зачем мечтать о несбыточном? Это лишь пустая трата времени. Однако свой день рождения я любить не переставала и все равно с нетерпением ждала его — как, впрочем, и Новый год, и Рождество, и дни рождения нескольких близких людей. Мне нравилось ощущение ожидания сказки — с виду я всегда была холодной, но внутри горела и буквально заряжалась энергетикой и суетливой, взбалмошной радостью. Но еще больше я любила улыбки людей, получавших от меня подарки. Жаль, таких людей было совсем мало.

